

Памяти Г.П. Радченко (1909–1972)

Георгий Павлович Радченко: геолог-палеоботаник



Карьера Георгия Павловича Радченко в отечественной геологии началась стремительно. Он родился еще при монархии – 25 января (7 февраля по н. с.) 1909 года в Иркутске, в простой семье. Но заканчивал уже советскую единую трудовую школу, был активным комсомольцем, позднее убежденным коммунистом. Романтика подвига во имя сохранения завоеваний Революции, строгая трудовая мораль, идеалы советского патриотизма оставили глубокий след в его душе. Он был коллективистом с прирожденными лидерскими качествами, не боявшимся трудностей. Советская власть открыла перед ним, как и перед множеством других выходцев из пролетарских слоев дорогу, как они верили, в светлое, справедливое будущее. Она доверяла и поддерживала таких, как он, продвигала на ответственные посты.

В 1931 году 22-летний Г.П. Радченко окончил Ленинградский горный институт и был направлен на работу в Кузбасс, в Кольчугинскую геологическую партию, занимавшуюся поисками каменных углей. И уже в следующем 1932 году ему была поручена весьма ответственная работа по подсчету запасов угля по всему Ленинск-Кузнецкому району. А в 1933–1934 годах вче-

рашней студент уже возглавил Ленинскую геологическую партию.

Затем был новый взлет: Ленинград, «вторая столица» советской империи, куда Г.П. Радченко был направлен на работу в ЦНИГРИ. В те годы этот институт фактически заменил собой Российский геологический комитет. И одна из главных его задач заключалась в составлении необходимых для развития горной промышленности среднemasштабных геологических карт, а также обзорных карт мелкого масштаба.

Начав делать такую карту для центральной части Кузнецкого бассейна Г.П. Радченко впервые вплотную столкнулся с проблемой определения возраста континентальных флороносных толщ, решение которой во многом зависело от палеоботанической их изученности. Этим кругом вопросов он в первую очередь и занялся, ежегодно выезжая на полевые работы в Кузбасс.

Начало Великой Отечественной войны застало Г.П. Радченко на полевых работах. На фронт он не попал – его предпочли использовать по специальности: истекавшей кровью стране нужен был каменный уголь, чтобы заменить им уголь оккупированного немцами Донбасса. Радченко начал работать геологом в Западно-Сибирском геологическом управлении.

В 1942 году ему поручили обследовать участок, где ранее В.И. Яворский, В.А. Хахлов и другие геологи отмечали выходы мощных пластов каменного угля. Но то были рекогносцировочные сведения, для промышленной разработки требовались точные данные о количестве и мощности пластов, характере их залегания, качестве угля.

Центром своих работ Радченко выбрал береговой разрез по реке Томь между улусом Сыркашево и ручьем Кийзак. Разведка велась в трудных условиях. По свидетельству очевидца, «в то время, чтобы добраться из Новокузнецка до слияния рек Томь и Уса требовалось по воде три дня. А в дождливое лето на это уходили недели. Местные рабочие, в основном женщины-шорки. Транспорт – 2 лошади и карбас. Это все, на что можно было рассчитывать. И снабжение почти голодное».

Руководимая Г.П. Радченко партия и сам он работали на износ. И достигли поставленных це-

лей. Уже в 1943 году были пройдены необходимые горные выработки, и анализ полученных данных показал, что установлен новый Томь-Усинский угленосный район с мощными пластами углей, в том числе коксующихся.

Производя разведку по правому притоку Усы ручью Ольжерас, Г.П. Радченко обнаружил несколько участков с мощными пластами каменно-го угля. Позднее уже в 1960-е годы в тех местах начал разрабатываться углеразрез Ольжерасский и заложена самая крупная шахта Кузбасса – Распадская.

За эти выдающиеся достижения в 1947 году Г.П. Радченко стал лауреатом Сталинской премии.

В 1949 году для разведки и поиска кузнецких углей и других полезных ископаемых была создана новая мощная геологическая организация – трест «Кузнецкгеология». В 1950–1952 годах ее главным геологом был назначен Г.П. Радченко.

В 1954 году расстроенное здоровье заставляет Г.П. Радченко уйти с административной работы. Он возвращается в Ленинград и поступает на работу во ВСЕГЕИ (бывший Геолком). С этого времени и до своей кончины он начинает много и продуктивно работать в области палеоботаники и флоростратиграфии.

Учителем Г.П. Радченко в палеоботанике стала еще в 1930-х годах М.Ф. Нейбург (1894–1962) – как и он, сибирячка, но из Томска, с 1940-х годов – ведущий специалист по верхнепалеозойским флорам СССР. Властная и волевая, Нейбург воспитывала учеников по своей строгой методе: заставляла учить иностранные языки, широко знакомиться с литературой, в том числе зарубежной, уделять серьезное внимание биологической подготовке. Главное же – это должны быть только ее ученики, лишь она сама могла определять их круг общения, направления и методы работы. Радченко, который был к тому времени вполне сложившимся человеком и признанным специалистом-геологом, не ужился в этой суровой школе. Например, он искренне считал, что Международный кодекс ботанической номенклатуры «придумали немцы, которым делать нечего». Как многим интеллигентам в первом поколении, ему, по всей видимости, остро не хватало образованности, прежде всего ботанической.

Масла в огонь подлил возникший между Г.П. Радченко и М.Ф. Нейбург спор о приоритете в установлении основных этапов развития палеозойской флоры Кузбасса и других районов Си-

бири. Радченко считал, что эту этапность установила вовсе не Нейбург, которая во всех своих работах придерживалась позиции установления палеоботанической характеристики уже выделенных геологами свит (здесь ее заслуги бесспорны), но Залесский, Хахлов и Радченко. Два первых установили важнейший флористический рубеж в середине балахонского времени, сперва незамеченный Нейбург; первый, кроме того, впервые обнаружил важнейшую смену флор в конце балахонского времени, правильно поняв, что она соответствует рубежу между ранней и поздней пермью. Хахлов первый установил важный флористический рубеж в середине острогского времени. Радченко первый выделил в Кузбассе фитозоны¹.

М.Ф. Нейбург, в свою очередь, чем дальше, тем больше и больше находила его работы поверхностными и методически безграмотными. К концу 1950-х отношения между ней и Г.П. Радченко из планомерно ухудшающихся превратились в ужасные. По свидетельству С.В. Мейена, Мария Фридриховна слышать не могла спокойно имени Радченко, а реакция Георгия Павловича на трагическую кончину Нейбург была совсем уж некрасивой: «Собаке – собачья смерть!»

* * *

Конфликт с М.Ф. Нейбург дорого обошелся Г.П. Радченко. Высококласным палеоботаником он так и не стал: не хватило того самого знания иностранных языков, специальной литературы, биологической подготовки, к которым его подталкивала Мария Фридриховна. Большинство описаний ископаемых растений, сделанных Радченко, действительно производят неблагоприятное впечатление своей лапидарностью и недостаточной биологичностью. Как и его попытки всерьез заниматься теоретизированием – у него, как у Ч. Дарвина, была явно «не-теоретическая» голова.

Тем не менее, начиная с 1955 года основные работы Г.П. Радченко посвящены именно палеоботанике, и здесь его трудолюбие поражает. Например, он не только взялся за изучение девонских растений Алтае-Саянской горной области,

¹ Радченко Г.П. Отзыв о работе С.В. Мейена «Сравнительно-исторический анализ каменноугольных и пермских флор Евразии», представленной на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук. С. 6. Цитируется по машинописной копии, хранящейся в научном архиве С.В. Мейена.

но и разработал первую фитостратиграфическую схему флороносных отложений.

Большинство палеоботанических и фитостратиграфических работ Г.П. Радченко посвящены изучению каменноугольных и пермских флор Азиатской части СССР. Несмотря на его противоречия с М.Ф. Нейбург, необходимо признать, что Радченко внес существенный вклад в детальное фитостратиграфическое расчленение верхнепалеозойских отложений Кузбасса. Одним из первых (после И.Ф. Шмальгаузена) монографически описал верхнепалеозойскую флору Тунгусского бассейна. Принадлежал к числу пионеров биостратиграфии перми Казахстана и Восточного Забайкалья.

Научные интересы Г.П. Радченко простирались и на более молодые отложения. Он исследовал континентальные образования пермтриасового возраста Центральной Монголии и триасовых отложений обрамления западного окончания Монголо-Охотской геосинклинальной области. Его усилиями началось стратиграфическое изучение континентальных и вулканогенных образований перми Южного Приморья.

Несмотря на недостаточную к тому подготовку, Г.П. Радченко, как уже отмечалось, проявлял вкус к широким обобщениям. И при этом опирался на личный исследовательский опыт и развитую интуицию. Обосновывая свои построения, он пытался апеллировать к признанным авторитетам, вроде А.Н. Криштофовича, которого объявил своим учителем.

Именно интуиция помогла Г.П. Радченко усмотреть признаки ботанико-географической и климатической зональности в раннем карбоне Северной Евразии и даже впервые в истории выделить здесь палеофлористические области. Напомним, что в то время раннекаменноугольные флоры мира считались космополитными, и надо было обладать недюжинной научной смелостью и «иммунитетом» к мнению иностранных авторитетов, чтобы пойти с открытым забралом против господствовавшего мифа, окончательно не преодоленного до сих пор. Ю.В. Мосейчик не без основания назвала этот результат «революционным переворотом Г.П. Радченко»².

Г.П. Радченко, по сути, первым дал палеогеографический анализ территории СССР в карбоне и перми. Попытался сформулировать критерии и

разработать методику палеобиогеографических и палеоэкологических реконструкций.

Наконец, он стал одним из главных редакторов двух палеоботанических томов справочника «Основы палеонтологии» (1963 г.). Причем Г.П. Радченко выступил в качестве автора многих разделов этого монументального труда, посвященных ископаемым высшим растениям.

* * *

Судьба палеоботанического наследия Г.П. Радченко сложилась, однако, трагически. Его «Немезиду» звали Сергей Викторович Мейен – последний, любимый ученик М.Ф. Нейбург, двадцатью шестью годами моложе Радченко, отличник кафедры палеонтологии МГУ. Также амбициозный и крайне работоспособный, но, в отличие от Радченко, высокий интеллектуал, выдающийся теоретик, харизматичный, блестяще образованный. Прошедший суровую школу Нейбург, но выполнивший все ее требования и сохранивший верность учителю. Ее непосредственный преемник и наследник. И, на беду Радченко, в полной мере усвоивший негативное отношение мэтра к ученику-отступнику.

Своими работами 1960-х – 1970-х годов С.В. Мейен буквально «похоронил» большинство таксонов, установленных Г.П. Радченко, и предложенные им схемы палеофлористического районирования, установил общую последовательность комплексов растительных остатков для верхнего палеозоя Ангариды, сохраняющую фундаментальное значение до сих пор.

В конце 1960-х – начале 1970-х то же самое проделал с радченковской палеоэкологией и тафономией растений тогда молодой В.А. Красилов.

* * *

По характеру Г.П. Радченко был человеком принципа, решительным и твердым. Умел любить и ненавидеть, мог быть заботлив, великодушен и щедр, особенно к своим подопечным, которые чтят его память до сих пор. Но и врагов своих не забывал, при случае воздавая им «по заслугам».

Как уже отмечалось, Г.П. Радченко был горячим патриотом своей страны, советским патриотом. Нелицемерно ратовал за приоритет отечественной науки и, в то же время, весьма болезненно и жестко относился к противоположным, по его мнению, тенденциям некоторых своих коллег. Особенно если они затрагивали признанные авторитеты, вроде А.Н. Криштофовича, чьи идеи Радченко считал своим долгом пропагандировать и развивать.

² Мосейчик Ю.В. Особенности палеофлористического районирования суши в раннем карбоне (на примере флор Ангариды) // Растительный мир в пространстве и времени. – М.: ГЕОС, 2004. – С. 56.

История с написанным им «черным отзывом» на докторскую диссертацию С.В. Мейена в немалой степени вызвана ее очевидно «западническими» или, как тогда говорили, – «космополитическими» тенденциями.

«Обзоры литературы, – писал в своем отзыве Г.П. Радченко, – могут быть краткими или расширенными, неполными или исчерпывающими, но во всех случаях они обязаны быть объективными и должны в наиболее полной форме отражать деятельность и достижения русских и советских ученых. Данный обзор литературы составлен таким образом, что в нем можно найти благожелательное реферирование по возможности всех, даже малозначащих или вовсе не имеющих отношение к теме диссертации публикаций зарубежных исследователей. Работы же отечественных палеоботаников освещены недостаточно, с большими пропусками и многие из них получили неверную, тенденциозную, иногда просто порочащую оценку, сделанную к тому же в недопустимом тоне. Не следует пытаться объяснить это несоответствие желанием автора “довести до читателя” почему-то “лишенного возможности лично ознакомиться с обширной литературой” (стр. 8), все накопленное за рубежом наследие. Как не стремиться к полному освоению международного опыта, мы не имеем права забывать того, что являемся представителями советской школы палеоботаники, которой есть чем гордиться и достижения которой следует всячески демонстрировать»³.

Далее отзыв Радченко содержит многочисленные конкретные примеры, как и другие замечания.

³ Радченко Г.П. Отзыв о работе С.В. Мейена «Сравнительно-исторический анализ каменноугольных и пермских флор Евразии», представленной на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук. С. 2.

Сергей Викторович не простил ему этого отзыва до конца своих дней, и только в последние годы жизни его отношение к Г.П. Радченко начало немного смягчаться.

* * *

Заслуги Г.П. Радченко в деле послевоенного восстановления народного хозяйства были по справедливости высоко оценены правившей коммунистической партией и Правительством СССР. Помимо отмеченной выше Сталинской премии, он был кавалером ордена Трудового Красного Знамени и награжден четырьмя медалями. Останься Радченко в разведочной геологии, список его высоких наград и должностей был бы, наверное, еще более впечатляющ.

К концу жизненного пути он имел степень доктора геолого-минералогических наук, звание профессора, занимал должность старшего научного сотрудника одного из ведущих геологических учреждений страны. У него были ученики, аспиранты, подопечные...

* * *

Человек смертен, причем, как говорил герой известного романа М.А. Булгакова, неожиданно смертен. Такая внезапная, скоростная смерть постигла Г.П. Радченко. Он скончался от инфаркта 2 апреля 1972 года, в гостиничном номере, во время очередной командировки в Кузбасс. Незадолго до этого ему исполнилось 63 года.

С.В. Мейен, человек весьма информированный, рассказывал, ссылаясь на данные следствия, что Радченко нашли на полу в позе, свидетельствующей о том, что в последние мгновения он отчаянно тянулся к коробке с сердечными средствами. И намекал, что такая смерть могла быть мистическим образом связана с реакцией Радченко на трагическую гибель М.Ф. Нейбург.

И.А. Игнатъев, Ю.В. Мосейчик (ГИН РАН, Москва)

Из воспоминаний о М.Ф. Нейбург и Г.П. Радченко

Марии Фридриховне было не под силу стать на место тех, кто был способен на небрежность, поверхностное отношение к работе. В этом отношении показательны ее отношения с коллегами, а именно с М.Д. Залесским, Г.П. Радченко и В.А. Хахловым.

Взаимоотношения М.Ф. с Залесским были непростыми. <...> Тон, которым М.Ф. говорила мне о Залесском, был хотя и несколько уважительным, но и недвусмысленно указывающим, что не этого человека я должен считать образцом палеоботаника. <...>

Отношения М.Ф. с В.А. Хахловым были гораздо проще, возможно, из-за того, что с ним М.Ф. вообще не считалась, не принимала его всерьез. <...>

Еще ярче была выражена неприязнь М.Ф. к Г.П. Радченко, который начинал свою палеоботаническую деятельность под руководством М.Ф. Я слышал разговоры об их неплохом сотрудничестве в довоенные и отчасти военные годы. Трудно сказать, почему возник конфликт. Работы Радченко 30-х годов выполнены на высоком (для тех лет) уровне. Конечно, Радченко не предпринимал детальных исследований ископаемых растений, и сравнивать его работы с лучшими образцами палеоботанических работ тех лет невозможно (достаточно напомнить гренландские работы Т.М. Гарриса 1930-х годов). Но в целом Радченко работал не хуже других наших палеоботаников, в том числе и М.Ф.

Отношения М.Ф. с Радченко стали портиться еще в 30-х годах, а к началу 50-х годов уже были почти полностью прерваны всякие «дипломатические отношения» между ними. На моей памяти М.Ф. просто не выносила имени Радченко, и я не слышал о нем никаких добрых слов. Учитывая, что и М.Ф., и Радченко были достаточно влиятельными палеоботаниками в нашей стране, легко понять, что именно из-за их отношений в нашей палеоботанике не могло быть нормальной атмосферы. Радченко всячески подчеркивал значение работ М.Д. Залесского и А.Н. Криштофовича. К А.Н. Криштофовичу М.Ф. относилась очень хорошо, но не считала его специалистом по палеоботанике палеозоя.

После кончины А.Н. Криштофовича Радченко стал наиболее заметной палеоботанической фигурой в Ленинграде. М.Ф. занимала аналогичное место в Москве. Не удивительно, что в палеоботанике палеозоя возникли два лагеря. Лишь немногие палеоботаники сумели сохранить в этой атмосфере нейтралитет (например, Н.А. Шведов, Т.А. Сикстель, М.А. Сенкевич, отчасти С.В. Сухов). К М.Ф. особенно были близки А.Р. Ананьев, М.И. Радченко, Е.С. Рассказова, М.Д. Артамонцева (Парфенова) и др. Сначала М.Ф. была в добрых отношениях с С.Г. Гореловой, но не сумела сохранить ее дружбу. С.Г. стала сотрудничать с Радченко. К нему были особенно близки Н.Г. Вербицкая, В.Н. Владимирович, И.Н. Сребродольская, Н.М. Петросян, Ю.Г. Гор, Л.В. Меньшикова.

Кульминацией конфликта между М.Ф. и Радченко наступила в 1957 году, когда М.Ф. опубликовала «антирадченковскую» статью в «Известиях АН СССР»⁴, которую я не буду пересказывать. В этой статье подверглись критике не только собственно палеоботанические ошибки Г.П., но и весь стиль его работы. Нельзя не признать справедливость упреков М.Ф., но едва ли ее статья сыграла положительную роль. Работы Радченко, вышедшие в последующие годы, не стали лучше, хотя в них прибавилось многословия.

⁴ *Нейбург М.Ф.* О «новом» роде *Ricciopsis Radczenko* и некоторых методах в палеоботанической работе // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1957. – № 2. – С. 105–108.

Мейен С.В. М.Ф. Нейбург (заметки ученика) // Матер. симпоз., посвящ. памяти С.В. Мейена (1935–1987), 25–26 декабря 2000 г. – М.: ГЕОС, 2001. – С. 252–254.

Светлая ему память!

До конца дней своих буду помнить о знакомстве и плодотворном сотрудничестве с Георгием Павловичем Радченко, и сожалеть, что оно было таким непродолжительным.

В начале 1960-х годов сотрудник нашего института (СНИИГГиМС) В.М. Лебедев (светлая ему память) привез большую коллекцию остатков растений, собранных им в вулканогенно-осадочных отложениях Тунгусского бассейна. Руководитель отдела стратиграфии института С.В. Сухов и мой наставник Ю.В. Тесленко уговорили меня заняться этой коллекцией и написа-

нием диссертационной работы, сообщив, что никаких публикаций по этой флоре нет, то есть это, как говорится, «темный лес, тайга густая». Но было обещано, что руководить работой и консультировать меня будет известный геолог, стратиграф и фитостратиграф верхнепалеозойских отложений Георгий Павлович Радченко. Для этого коллекция В.М. Лебедева была отправлена во ВСЕГЕИ, где ее изучением занялись Г.П. Радченко и В.П. Владимирович, а потом к ним приехала я для знакомства с ними и коллекцией. Меня приняли тепло, радушно, я не чувствовала се-

бя необученной ученицей, все вопросы обсуждались доверительно, легко, на равных, как будто мы давно работали вместе. А ведь у Георгия Павловича уже был огромный опыт работы региональным геологом, стратиграфом, палеоботаником, как и ученая известность. Я это понимала, робела перед его эрудицией и восхищалась.

Установленные в изученной коллекции новые виды растений были распределены между нами для монографического описания. В перерывах Георгий Павлович рассказывал очень много интересного о своих увлечениях. Он любил и знал литературу, театр и был страстный болельщик спортивных состязаний. Интересно рассказывал об истории Олимпийских игр. Он был увлекающимся, азартным человеком.

Георгий Павлович как геолог-угольщик был на полевых работах в Кузбассе, когда началась Великая Отечественная война. Прервать работы, как он говорил, ему не разрешили: в стране остро стоял топливный вопрос, о возвращении в Ленинград не могло быть и речи. Он работал в Новокузнецке и полюбил этот город. Во время последней нашей встречи в Новосибирске в 1972 году, после которой он должен был ехать по делам в Новокузнецк, он говорил, что этот город ему очень дорог, его тянет туда и, смеясь, сказал, что хотел бы и сейчас там жить и умереть. Так оно и случилось: через три дня после его отъезда в Новокузнецк мне сообщили печальную весть, что Георгий Павлович ушел из жизни. Это случилось ночью в номере гостиницы Новокузнецка, где он обычно останавливался (он говорил, что в этой гостинице у него есть свой номер-люкс).

Крупные специалисты по стратиграфии и флоре верхнепалеозойских угленосных отложений Кузбасса Г.П. Радченко и М.Ф. Нейбург в середине 30-х годов прошлого века обосновали присутствие в Кузбассе триасовых отложений, названных впоследствии мальцевской свитой, первоначально отнесенной к верхнему триасу. В 1936 году они одновременно опубликовали описание растительных остатков из мальцевской свиты. В последующие годы Г.П. Радченко с В.Т. Белоусовой впервые детально изучили несколько разрезов мальцевской свиты, в том числе детально разрез Бабьего камня на р. Томь. Возраст свиты был изменен на раннетриасовый, и был установлен стратиграфический перерыв между угленосными верхнепермскими отложениями и мальцевской свитой. Изучением остатков растений из этих отложений занимались

также И.Н. Сребродольская и В.П. Владимирович. Было выявлено сходство фитофоссилий из мальцевской свиты с остатками растений, собранными в конце 1930-х в вулканогенной толще Тунгусской синеклизы, изученных и описанных В.Д. Принадой в 1939 году в фондовом отчете ВСЕГЕИ. Эта рукопись была опубликована только в 1970 году как «Ископаемая флора корвунчанской свиты»⁵.

Изучая вместе с Георгием Павловичем новые, собранные мной коллекции, я чувствовала с его стороны большой интерес к этой эндемичной и практически неизученной в то время флоре. Он учил меня правильно описывать новые виды с указанием тафономических особенностей остатков и их фациальной приуроченности, обсуждал возможность выделения новых родов, искусно зарисовывая детали строения растительных остатков. Он считал, что монографическое описание флоры, которое я выполняла для диссертационной работы под его руководством, надо обязательно опубликовать. Об этой процедуре я не имела ни малейшего представления. Позже выяснилось, что Георгий Павлович беспокоился об этом, включив каким-то образом мою работу в план издательства «Недра». Я узнала об этом после его кончины, когда вдруг мне предложили в срочном порядке сдать работу в издательство, а она совсем не была готова, пришлось форсировать ее написание, а опыта в этом не было никакого и помощи ждать неоткуда. Отдала в издательство рукопись в очень сыром виде, но упустить представившуюся возможность не имела права. Монография вышла в 1973 году⁶. Тогда, растерявшись, я не сразу поняла, что должна была посвятить ее светлой памяти Георгия Павловича Радченко. Я сожалею и все время помню об этом.

В своих фитостратиграфических исследованиях Георгий Павлович уделял большое внимание палеобиологическим, палеогеографическим и палеофлористическим аспектам. В свое время во ВСЕГЕИ по его инициативе были проведены тематические работы по разработке методов палеофитоэкологических и палеогеографических исследований. Он считал, что современная палеоботаника должна найти пути эффективного использования растительных ос-

⁵ Принада В.Д. Ископаемая флора корвунчанской свиты. Бассейн реки Нижней Тунгуски. – М.: Наука, 1970. – 80 с.

⁶ Могучева Н.К. Раннетриасовая флора Тунгусского бассейна. – М.: Недра, 1973. – 160 с.

татков для целей фациального анализа, палеоклиматологии, палеогеографии, учения о генезисе месторождений полезных ископаемых осадочного происхождения. И основным путем к этому в практике геологических исследований является, по его мнению, выявление внутренних связей между условиями осадконакопления и многообразием форм сохранения растительных остатков.

Он считал крупнейшим достижением реконструкцию климатической зональности и связан-

ной с ней дифференциации флор для почти всей геологической истории Земли, вызвавшую необходимость ботанико-географического районирования территории Земного шара для многих периодов и веков. И в этой работе, как известно, он достиг определенных успехов. Если бы не внезапная кончина, он наверняка продолжил бы эти исследования.

Вечная память Георгию Павловичу Радченко, оставившему заметный след в разных областях геологической науки.

Н.К. Могучева (СНИИГГиМС, Новосибирск)

